

TS

2661

209

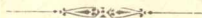




ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

КАРЛА МАРКСА

СЪ НАУЧНОЙ СТОРОНЫ.



ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРКЪ

Г. ГРОССА

ДОКТОРА ПРАВЪ ПРИ ВЪНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПЕРЕВОДЪ И ПРЕДИСЛОВІЕ

Н. С. РАШКОВСКАГО.

ЦѢНА 20 КОП.

2-е изданіе Ф. Павленкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая скоропечатня. А. Пороховщикова, Гороховая, д. № 12.

1896.

52, III стр. (18x12) 20к.

~~R 67457.~~
2



П
М
С
О
И
О
Я
Ъ
ГО
—
Ъ
О
Ъ
Ъ
3,
1-
У
О
-
Ъ
О



Дозволено цензурою, Київ, 27-го Іюня 1896 г.

TS $\frac{2661}{209}$

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

«Er ist ein Mensch gewesen und das heisst ein Kämpfer sein»—вотъ въ двухъ словахъ лучшая и весьма вѣрная характеристика Карла Маркса. Почти вся жизнь этого писателя была посвящена научно-экономическимъ изслѣдованіямъ и борьбѣ за свои идеи. Эта-то борьба и создала ему массу враговъ, не постѣснявшихся валить на него всевозможныя обвиненія, называя его анархистомъ, всеразрушителемъ (К. Фогтъ обвинялъ его даже въ принадлежности къ какой-то шайкѣ поджигателей). Что это полная неправда,—знаетъ всякій, сколько-нибудь серьезно знакомый съ его трудами. Конечно съ нечистыми цѣлями можно изъ любого сочиненія выудить нѣсколько нужныхъ фразъ и представить автора въ какомъ угодно свѣтѣ, а съ саркастическаго языка Маркса такія фразы срывались нерѣдко, тѣмъ болѣе, что предметъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, глубоко затрагивалъ его душу и часто возмущалъ его. Нужно помнить, что его «Капиталъ» писался лѣтъ 35 тому назадъ, когда положеніе рабочихъ вообще было несравненно хуже, чѣмъ нынѣ, и когда рабочее законодательство только

стало создаваться, даже въ передовыхъ странахъ. Многое переѣнилось съ того времени къ лучшему и можетъ быть не безъ значительной доли участія работъ Маркса. Между тѣмъ еще на смертномъ одрѣ ему пришлось всѣми силами протестовать противъ ложнаго смѣшенія его ученія съ анархизмомъ, и его приверженцевъ—съ какой-то командой разрушителей. «Другъ мой!—писалъ онъ незадолго передъ смертью Томасу Синдерсу, — письмо отъ меня, стараго, больного изгнанника, конечно удивить Васъ. Но мнѣ не даетъ покоя желаніе отвести душу съ моимъ единомышленникомъ. Въ Вѣнѣ въ настоящее время много говорятъ о насъ. Безумнымъ, преступнымъ дѣяніемъ нѣсколькихъ негодяевъ или ослѣпленныхъ индивидуумовъ воспользовались для того, чтобы... О, Боже мой! Для того-ли дожилъ я до старости, чтобы видѣть, что большинство моихъ соотечественниковъ мнѣ, чѣмъ когда-нибудь, понимаетъ истинную социаль-демократію?... *Неужели благомыслящіе люди могутъ смѣшивать анархизмъ съ моимъ ученіемъ?* Какъ это ни печально, но я боюсь, что это такъ. *Всякому, кто знаетъ меня, извѣстно, что я съ юныхъ лѣтъ инуцался и преслѣдовалъ анархистовъ»*¹⁾... Кажется, послѣ такого открытаго заявленія всякія излишнія подозрѣнія должны пасть сами собою. Марксъ—экономистъ-философъ. Онъ держится эволюціонной системы въ дѣлѣ объясненія экономическихъ явленій, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ первенствующее значеніе въ жизни. Уже какъ эволюціонистъ, онъ бы не могъ придавать особеннаго значенія виѣшной силѣ. Въ своемъ преди-

¹⁾ Письмо это было напечатано въ «Vorstadt Zeitung» вскорѣ послѣ смерти Маркса.



словіи къ «Капиталу» онъ говоритъ: «если общество вступило на путь естественнаго закона, управляющаго его движеніемъ, то оно уже не можетъ ни перескочить черезъ естественныя фазы своего развитія, ни отдѣлаться отъ него декретами; оно можетъ только или продлить, или сократить періодъ беременности и облегчить роды».

Вотъ чѣмъ, по Марксу, ограничивается воздѣйствіе внѣшнихъ обстоятельствъ. Единственно кому, по справедливости, должны были не прійтись по вкусу экономическіе анализы Маркса, это — денежной аристократіи, капиталистамъ, которымъ не совсѣмъ пріятно было видѣть такъ раскрытыми тайники капиталистическаго производства, святая святыхъ капитала. Но зато наука обогатилась новыми и глубокими изслѣдованіями (по теоріи денегъ, теоріи добавочной стоимости, производству капитала и т. д.), поставившими имя Маркса рядомъ съ Адамомъ Смитомъ и Давидомъ Рикардо. Вотъ почему въ настоящее время ни одинъ солидный учебникъ по политической экономіи не можетъ миновать ученія Маркса, — ученія, вошедшаго въ кровь и плоть этой науки. Стройность и логичность Марксовой системы поразительны. Одинъ изъ его противниковъ, извѣстный бельгійскій писатель Эмиль де-Лавэлэ, такъ характеризуетъ «Капиталъ»: «Когда читаешь сочиненіе Маркса и чувствуешь себя охваченнымъ зубцами его стальной логики, то находишься какъ будто въ кошмарѣ, потому что, признавъ посылки, которыя заимствованы у авторитетовъ, наименѣе оспариваемыхъ, не знаешь, какъ избѣжать слѣдствій, и тѣмъ болѣе, что въ то же время его эрудиція, столь же обширная, какъ и увѣренная, позво-



ляетъ ему ссылатся, въ подкрѣпленіе своихъ тезисовъ, на весьма разительныя выдержки изъ множества авторовъ и на многочисленныя потрясающіе факты, взятые изъ парламентскихъ слѣдствій промышленной и земледѣльческой исторіи Англій».

Казалось бы, у насъ, въ Россіи, еще не прошедшей сквозь строй капиталистическаго производства, съ которымъ исключительно имѣетъ дѣло Марксъ, всего спокойнѣе можно было отнести къ его трудамъ. Но не тутъ-то было. Съ одной стороны обнаружилось не къ добру ведущее идолопоклонство. Съ другой стороны — незаслуженныя гоненія, обвиненія въ революціонизмѣ, анархизмѣ, полная несостоятельность которыхъ уже намъ извѣстна. Теперь, когда тѣло Маркса уже 12 лѣтъ въ гробу, и страсти и страхи нѣсколько поулеглись, возможна конечно болѣе трезвая оцѣнка его теоріи. Россія должна извлечь изъ его ученія самый полезный урокъ. Вопросъ о томъ, быть или не быть у насъ «капитализму», поддерживать его или нѣтъ—въ сферѣ экономической политики стоитъ еще понынѣ à l'ordre du jour. Конечно не наша переводная работа отвѣтитъ на этотъ вопросъ; но серьезное и непредубѣжденное изученіе Маркса, въ связи съ социальными условіями русскаго хозяйства, можетъ значительно помочь дѣлу. Мы же имѣли въ виду тѣхъ, кто, не имѣя возможности въ подлинникѣ познакомиться съ сочиненіями Маркса, пожелалъ бы найти безпристрастное и сжатое изложеніе его 1-го тома «Капитала», безъ котораго нельзя приступить ко 2-му тому, имѣющемуся у насъ въ продажѣ.

Н. С. Рашковскій.

I.

КРАТКІЯ БІОГРАФІЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

Карлъ Марксъ родился 5 мая 1818 года въ Трирѣ. Его отецъ, еврейскаго происхожденія, былъ адвокатомъ въ тамошнемъ земскомъ судѣ и старшимъ стряпчимъ (батоньеромъ) судебного бюро. Ходъ развитія К. Маркса рѣшительно отличался отъ шаблонныхъ путей. По желанію отца, онъ изучалъ юриспруденцію въ Боннскомъ университетѣ и въ Берлинѣ, но окончательнаго экзамена на присяжнаго юриста не имѣлъ въ виду сдавать; поэтому-то онъ и не могъ имѣть серьезнаго намѣренія поступить на государственную службу, какъ это думаютъ нѣкоторые.

На третьемъ году своей университетской жизни Марксъ совершенно оставилъ юриспруденцію и посвятилъ себя исключительно изученію исторіи и философіи. Въ 1842 г. онъ уже выступаетъ кандидатомъ на кафедру философіи въ Боннѣ; но разныя недоразумѣнія, между прочимъ и кандидатура Бруно Бауэра, заставляютъ его отказаться отъ этого намѣренія. Вскорѣ послѣ этого Марксъ обратился къ журнальной публицистической дѣятельности и въ 1842—43 гг. сталъ редактировать «Rheinische Zeitung». Тутъ-то онъ обратилъ вниманіе на недостатокъ своихъ знаній въ политической экономіи, и послѣ того какъ газета въ мартѣ

1843 г. была прекращена, приступилъ къ изученію этой отрасли знанія, которая уже навсегда осталась главнымъ предметомъ его занятій.

Къ этому же времени относится и женитьба Маркса на Женни фонъ-Вестфаленъ, сестрѣ Вестфалена, бывшаго въ министерствѣ Мантѣйфеля. Ему тогда предлагали выгодныя мѣста на государственной службѣ, но онъ отказался отъ нихъ для ученыхъ цѣлей.

Съ осени того же (1843) года начинаются и годы странствованія Маркса. Прежде всего онъ, по приглашенію Арнольда Руге, отправился въ Парижъ, гдѣ они задумали вмѣстѣ издавать журналъ подъ заглавіемъ «Deutsch-französische Jahrbücher». Изъ этого повременнаго изданія появилась въ свѣтъ только одна двойная тетрадь. Причины кратковременности этого изданія слѣдуетъ искать отчасти въ недостаточной заботливости о дѣлѣ, а можетъ быть и въ разномысліи обоихъ издателей. Марксъ оставался въ Парижѣ до начала 1845 года, когда, по распоряженію Гизо, онъ долженъ былъ оставить предѣлы Франціи. Онъ переселился въ Брюссель, гдѣ прожилъ около трехъ лѣтъ. Къ этому времени относится начало его строго научныхъ работъ на почвѣ политической экономіи. Кромѣ того онъ тогда написалъ: 1) «Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik» (1845), 2) «Discours sur le libre échange» (1847), 3) «Misère de la philosophie» (1847) и неизданную еще обширную критико-философскую работу, имѣющую своимъ предметомъ разборъ современной (1845—47) нѣмецкой философіи (Бауэра, Фейербаха, Штирнера).

Въ февралѣ 1848 г. за политическую агитацію Марксъ былъ изгнанъ и изъ Бельгіи. Онъ съ своими

друзьями переѣхалъ въ Кельнъ и здѣсь основалъ «Neue Rheinische Zeitung». Цензурныя условія были здѣсь неблагоприятны, и Марксъ нѣсколько разъ привлекался къ суду ассизовъ, но его обыкновенно оправдывали. Въ октябрѣ 1848 г., вслѣдствіе осаднаго положенія Кельна, газета была временно приостановлена, а затѣмъ, просуществовавъ еще около года (съ 1 іюня 1848 г. до мая 1849 г.), окончательно прекращена. Марксъ послѣ этого долженъ былъ оставить границы Пруссіи. Онъ исторично нашелъ убѣжище въ Парижѣ; но здѣсь ему пришлось оставаться недолго. Въ іюлѣ 1849 г., за предполагаемое участіе его въ рабочемъ движеніи, онъ былъ высланъ изъ французской столицы. Съ этимъ, четвертымъ по числу, изгнаніемъ кончаются и годы странствованій Маркса. Съ этого времени онъ находитъ для себя второе отечество въ Англіи и уже до конца дней своихъ живетъ въ Лондонѣ. Въ Британскомъ музеѣ Марксъ работалъ надъ всѣми матеріалами по англійской, французской и итальянской экономической литературѣ, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ которой онъ считается. Результатомъ его работъ были: «Zur Kritik der Polit. Oekon.» (1859) и знаменитый трудъ его «Das Kapital, Kritik d. Pol. Oek.» (1867), второй томъ котораго вышелъ уже послѣ его смерти. Кромѣ того Марксъ написалъ еще нѣсколько брошюръ и массу политическихъ статей и памфлетовъ. Онъ умеръ въ Лондонѣ 14-го марта 1883 года. Отъ него осталась взрослая дочь—Элеонора Марксъ.

II.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ К. МАРКСА.

Главному нашему обзорѣнiю подлежитъ конечно «Капиталь» ¹⁾, хотя и въ болѣе раннихъ сочиненiяхъ Маркса, особенно въ «Misère de la philosophie» (Скудость философи), можно уже найти зачатки тѣхъ идей, которыя, 20 лѣтъ спустя, были всесторонне и подробно развиты въ его основномъ трудѣ. Что же касается «Zur Kritik der politischen Oekonomie», то это есть не что иное, какъ подготовительная работа, какъ бы введенiе къ его «Капиталу». За исключенiемъ весьма обстоятельнаго историко-догматическаго изложенiя предмета, все содержанiе этой книги, въ нѣсколько переработанномъ видѣ, передано въ первой главѣ «Капитала».

Къ новѣйшей политической экономiи, называемой имъ «вульгарной», Марксъ относится съ верховнымъ презрѣнiемъ. Въ своихъ изслѣдованiяхъ онъ отличается оригинальностью мысли и самостоятельностью сужденiй, вполне игнорируя современныхъ ему экономистовъ. Единственный писатель-экономистъ, имѣющiй съ нимъ нѣкоторое духовное родство, это—Родбертусъ фонъ-Ягетцовъ; но направленiя ихъ столь различны, что даже

¹⁾ Авторъ вездѣ въ дальнѣйшемъ изложенiи имѣетъ въ виду только 1-й томъ «Капитала».

не можетъ быть рѣчи о сколько-нибудь прочномъ влияніи этого послѣдняго писателя на Маркса. Тѣмъ менѣе можно считать Маркса ученикомъ или послѣдователемъ Родбертуса. Уже одинъ методъ Маркса вполнѣ своеобразенъ. При изслѣдованіи основныхъ проблемъ науки, въ особенности при выводѣ своей теоріи цѣнности, онъ строго держится абстрактнаго метода изложенія. Ему кажется, что понятіе о цѣнности есть краеугольный камень политической экономіи, между тѣмъ это понятіе до сихъ поръ недостаточно обслѣдовано и серьезно обосновано. Въ своемъ предисловіи къ «Капиталу» онъ прямо говоритъ, что «при новизнѣ экономическихъ формъ микроскопъ и химическіе реактивы, служащіе естественнымъ наукамъ, должны быть здѣсь замѣнены силою абстракціи». Но Марксъ пользуется не только абстрактнымъ, дедуктивнымъ методомъ: онъ подтверждаетъ еще свои дедукціи и данными, найденными индуктивнымъ путемъ.

Что касается систематики разсматриваемаго труда, то нужно сказать, что за періодъ времени между появленіемъ «Критики политич. экономіи» и «Капитала» во взглядахъ Маркса произошло нѣкоторое измѣненіе. Судя по предисловію къ первому изъ сейчасъ названныхъ сочиненій, Марксъ тогда систематизировалъ «общественную экономію» въ слѣдующемъ порядкѣ: *Капиталъ, Земельная собственность, Рабочая плата, затѣмъ— Государство, Внѣшняя торговля и Всемірный рынокъ*. Онъ думалъ такимъ образомъ распредѣлить тогда свое изслѣдованіе трехъ великихъ экономическихъ классовъ (землевладѣльцевъ, капиталистовъ, рабочихъ) согласно съ тѣмъ, какое они принимаютъ участіе въ народномъ хозяйствѣ, Кромѣ того онъ очевидно былъ тогда и

того мнѣнія, что возможна систематизація экономическихъ явленій, смотря потому, охватываютъ-ли они только область одного государства, или весь хозяйственный міръ. Односторонность такой группировки экономическихъ феноменовъ сама бросается въ глаза, хотя нельзя отрицать оригинальности ея. Держась строго такого расположенія научнаго матеріала, необходимо пришлось-бы, съ одной стороны, соединять несоединимое, а съ другой—весьма часто разобщать вещи, по внутреннему существу своему однородныя. Марксъ очевидно понялъ это, и потому въ «Капиталѣ» мы встрѣчаемъ совсѣмъ другую систему изложенія. Онъ здѣсь выходитъ изъ начала рѣшительнаго преобладанія капитала, какъ фактора производства, въ современной организаціи хозяйства, и потому думаетъ, что вполне возможно группировать вокругъ капитала — во всѣхъ его проявленіяхъ и функціяхъ — всѣ остальные экономическія явленія. Такимъ образомъ его система является собственно широко захватывающимъ ученіемъ о капиталѣ, заключающимъ въ себѣ также разсмотрѣніе вопросовъ о земельной собственности и рабочей платѣ.

Весь трудъ Маркса долженъ былъ распасться на три тома (или четыре книги), въ которыхъ онъ имѣлъ въ виду разсмотрѣть процессъ производства капитала, процессъ циркуляціи капитала и общій ходъ развитія этихъ процессовъ (книги II, III). Четвертая книга (III томъ), уже выступающая изъ общей системы изложенія, должна была заключать въ себѣ исторію теоріи. Разсматриваемый нами первый томъ анализируетъ, какъ уже сказано, процессъ производства капитала.

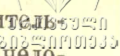
Марксъ начинаетъ свое изслѣдованіе выводомъ по-

нятія о цѣнности—этой основной проблемы общей политической экономіи. Его теорія цѣнности основывается прежде всего на томъ взглядѣ, что потребительная стоимость и мѣновая стоимость (или просто стоимость) не только не имѣютъ никакой непосредственной связи между собой, но еще относятся другъ къ другу какъ противоположности. «Полезность вещи дѣлаетъ ее потребительною стоимостью», говоритъ Марксъ. Сумма всѣхъ потребительныхъ стоимостей или товаровъ, которые эта сумма представляетъ, т. е. «собраніе товаровъ»,—составляетъ богатство общества. Потребительныя стоимости различаются по своимъ качествамъ, соотвѣтственно тѣмъ потребностямъ, которыя онѣ удовлетворяютъ. «При разсмотрѣніи этихъ стоимостей, мы всегда представляемъ себѣ опредѣленное количество ихъ, какъ напр. дюжина часовъ, аршинъ холста, тонна желѣза и т. д.», т. е. представленіе о величинѣ потребительной стоимости является у насъ только въ связи съ опредѣленнымъ количествомъ какой-нибудь вещи. Потребительныя стоимости суть только матеріальныя оболочки, при помощи которыхъ выражается мѣновая стоимость. Эта послѣдняя «появляется только какъ количественное отношеніе, пропорція, въ которой потребительныя стоимости одного рода обмѣниваются на потребительныя стоимости другого рода, и эта пропорція постоянно измѣняется съ измѣненіемъ мѣста и времени». Если два совершенно разнородныхъ предмета, какъ напр. пшеница и желѣзо, вслѣдствіе своихъ мѣновыхъ способностей могутъ быть противопоставлены другъ другу какъ равныя, то это возможно только потому, что мы ихъ сравниваемъ съ чѣмънибудь третьимъ. Что-же такое это третье? По Марксу,—это



человѣческой трудъ. Только благодаря затраченному труду, товаръ становится мѣнною стоимостью. Сама же мѣновая стоимость есть не что иное, какъ «кристаллизованный, застывшій трудъ»—говоритъ Марксъ. Согласно съ этимъ, стоимость всякаго товара опредѣляется исключительно количествомъ затраченнаго на него человѣческаго труда, который, въ свою очередь, измѣряется количествомъ употребленнаго на него времени. Такимъ образомъ требуемое рабочее время опредѣляетъ собственно стоимость производства какого-нибудь товара. Отсюда конечно не слѣдуетъ дѣлать того вывода, что, чѣмъ лѣнивѣе и неспособнѣе отдѣльный работникъ и больше вслѣдствіе этого затрачиваетъ труда на производство какого-либо продукта, тѣмъ цѣннѣе будетъ этотъ продуктъ. Здѣсь рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ случаяхъ, а вообще о количествѣ человѣческой рабочей силы, которая должна быть затрачена на данный предметъ и которая опредѣляется *средней общественной рабочей силой*. Поэтому стоимость товара опредѣляется не произвольно затраченнымъ рабочимъ временемъ, а *среднимъ, общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ*. Только это послѣднее измѣряетъ и опредѣляетъ стоимость товара, произведеннаго трудомъ. Какъ стоимости, всѣ товары суть опредѣленные количества «застывшаго рабочаго времени». Измѣненіе въ стоимости товаровъ, въ зависимости отъ времени и мѣста, объясняется измѣненіемъ производительной силы труда.

Самъ человѣческой трудъ также бываетъ различенъ, смотря по тому роду полезностей, какія онъ производитъ. Обмѣнъ получаетъ свое хозяйственно-экономическое значеніе только потому, что при немъ высту-



пакоть впередъ качественныя различія потребитель-
ныхъ стоимостей. Эти то качественныя различія чело-
вѣческаго труда и служатъ основой общественнаго
различенія труда. Но для того, чтобы трудъ, какъ та-
ковой, могъ служить мѣриломъ стоимости, необходимо
всякій сложный, квалифицированный трудъ свести на
простой, обыкновенный человѣческій трудъ, «на трату
обыкновенной человѣческой силы, которою обладаетъ
всякій человѣкъ въ своемъ организмѣ, безъ особенной
подготовки». Это сведеніе на простую работу всегда
сопровождаетъ процессъ обмѣна, причемъ товары, пред-
ставляющіе продуктъ сложнаго труда, вымѣниваются
на различныя количества товаровъ, представляющихъ
продуктъ простого труда. Только какъ абстрактный
человѣческій трудъ,—трудъ образуетъ стоимость то-
варовъ или мѣновую стоимость. Какъ конкретный-же,
полезный трудъ, въ различныхъ цѣлесообразныхъ фор-
махъ—онъ даетъ начало потребительной стоимости.

Стоимость какого-нибудь товара ближе всего по-
лучить свое выраженіе при помощи сопоставленія его
съ другимъ товаромъ. Такое выраженіе стоимости
Марксъ называетъ простымъ, единичнымъ или случай-
нымъ. Въ такой формѣ стоимости, какъ напр. 20 ар-
шинъ холста=1 сюртуку,—оба товара находятся между
собою въ различныхъ отношеніяхъ. Первый товаръ,
котораго стоимость выражена посредствомъ другого
товара, представляетъ, по Марксу, *относительную* форму
стоимости; второй-же товаръ, къ которому приравни-
вается первый, находится въ *эквивалентной* формѣ
стоимости. Въ относительной формѣ стоимости товаръ
появляется, какъ потребительная стоимость, которой
мѣновая стоимость выражена въ другомъ товарѣ въ

эквивалентной формѣ. Этотъ-то другой товаръ и является, какъ мѣновая стоимость. «Простая форма стоимости какого-нибудь товара есть такимъ образомъ обыкновенная (простая) форма проявленія заключающейся въ немъ (товарѣ) противоположности между потребительной стоимостью и стоимостью вообще, какъ результата человѣческаго труда». Но простая форма стоимости какого-нибудь товара имѣетъ тотъ недостатокъ, что «она выражаетъ мѣновое отношеніе этого товара единично, только къ одному какому-нибудь другому товару, вмѣсто того чтобы выражать свое качественное равенство и количественную пропорциональность со всѣми другими товарами». Эта форма стоимости совершенствуется, когда одинъ товаръ приравнивается не къ одному, а къ цѣлому ряду другихъ товаровъ: Z единицъ товара $A = N$ единицамъ товара B , или V единицамъ товара C , или W единицамъ товара D и т. д. Такую форму стоимости Марксъ называетъ «полною или развернутою формою стоимости». Существенная разница между этою формою стоимости и простою заключается въ томъ, что, при этой послѣдней формѣ, сравненіе одного товара съ другимъ есть чисто случайное явленіе, между тѣмъ какъ въ развернутой формѣ стоимости просвѣчиваетъ уже болѣе твердая основа, устраняющая эту случайность сравненія товаровъ. Ясно, что «не обмѣнъ регулируетъ величину стоимости товаровъ, а, наоборотъ, величина стоимости товаровъ регулируетъ мѣновыя отношенія». Однако и развернутая форма стоимости имѣетъ свой недостатокъ прежде всего въ томъ, что она выражается въ безконечномъ, никогда не прерывающемся ряду товаровъ. Этотъ недостатокъ устраняется посредствомъ

«всеобщей формы стоимости», при которой цѣлый рядъ товаровъ, какъ относительныхъ стоимостей, сопоставляется съ однимъ единственнымъ товаромъ, какъ ихъ эквивалентомъ (равноцѣннымъ замѣстителемъ). «Товары тогда выражаютъ свои стоимости, во-первыхъ, просто, въ одномъ единственномъ товарѣ, и, во-2-хъ, единично, въ одномъ и томъ-же товарѣ. Ихъ форма стоимости теперь проста и общественна, а потому и всеобща». Если одинъ и тотъ-же товаръ въ формѣ всеобщей стоимости всегда принимается за соотвѣтственную форму стоимости всѣхъ другихъ товаровъ, то онъ уже обращается въ *денежный* товаръ и обращается какъ деньги. Этотъ-то товаръ въ товарномъ мірѣ играетъ тогда роль всеобщаго замѣстителя, и мы такимъ образомъ достигаемъ послѣдней и самой совершенной формы стоимости, именно *денежной формы стоимости*.

Обмѣнъ совершается на основаніи мѣновыхъ стоимостей продуктовъ. Особенный характеръ товара, т. е. рабочаго продукта, предназначеннаго для обращенія, заключается въ томъ, что онъ для своего владѣльца не имѣетъ значенія потребительной стоимости, а важенъ для него по столько, по сколько онъ выражаетъ мѣновую стоимость. Это противорѣчіе получаетъ свое полное развитіе только въ буржуазномъ обществѣ. Между тѣмъ какъ потребительныя стоимости первоначально производились только какъ таковыя, онѣ теперь производятся главнымъ образомъ какъ товары, т. е. какъ мѣновыя стоимости. Первоначально обмѣнъ совершался въ предѣлахъ, допускаемыхъ потребностями самого владѣльца продукта: «продуктъ служилъ непосредственнымъ орудіемъ обмѣна и эквивалентомъ для другого продукта, на который вымѣнивался; но оба

продукта вымѣнивались не какъ товары, а какъ потребительныя стоимости, нужныя самимъ владѣльцамъ. Мѣновая способность продуктовъ еще не получила, на этой ступени экономического развитія, самостоятельной независимой формы стоимости, какова стоимость мѣновая: она еще подчинена здѣсь потребительной стоимости. Самостоятельная, независимая форма стоимости образуется только съ ростомъ процесса обмѣна и находитъ себѣ выраженіе, попеременно и на время, то въ одномъ, то въ другомъ товарѣ. Когда-же она наконецъ осаждается только въ одномъ товарѣ, то кристаллизуется въ формѣ денегъ. «По мѣрѣ того какъ обмѣнъ разрываетъ узы, ограничивающія сферу его дѣйствія даннымъ мѣстомъ, и товарная форма стоимости все болѣе и болѣе получаетъ значеніе абстрактнаго человѣческаго труда — денежная форма переходитъ на товаръ, годный, по своей природѣ, для общественной функціи всеобщаго эквивалента—переходитъ на благородные металлы». Почему именно эти металлы призваны выполнять роль денегъ, объясняется, съ одной стороны, постоянствомъ ихъ качественныхъ достоинствъ, а съ другой—большою способностью ихъ къ точной дѣлимости.

Такъ обращается золото (ради простоты, Марксъ вездѣ принимаетъ золото за денежный товаръ) въ качествѣ всеобщей мѣры стоимости и, только благодаря этой функціи, оно становится деньгами. Масштабомъ для измѣренія золота служитъ его вѣсъ, такъ что стоимость какого-нибудь товара выражается посредствомъ какого-нибудь количества золота. Стоимость товара, выраженная въ золотѣ, есть его цѣна. «Цѣна есть денежное названіе рабочаго труда, овеществлен-

наго въ товарѣ». Хотя Марксъ, какъ видно, смотритъ на цѣну только какъ на особенную форму проявленія стоимости, зависящую исключительно отъ количества рабочаго времени, затраченнаго на производство товара, все-же онъ долженъ признать возможность количественнаго несовпаденія цѣны съ величиною стоимости. Эту «возможность» онъ признаетъ вполне понятною при «томъ способѣ производства, въ которомъ правило можетъ обнаруживаться только, какъ слѣпо дѣйствующій средній законъ».

Изъ того, что деньги служатъ мѣриломъ стоимости и цѣны товаровъ, уже непосредственно вытекаетъ и другая ихъ функція, какъ средства обращенія, содѣйствующаго процессу обмѣна и переходу товаровъ изъ рукъ одного владѣльца въ руки другого. Одинъ владѣлецъ продаетъ свой товаръ, для него вовсе не составляющій потребительной стоимости, и на вырученныя деньги приобрѣтаетъ для себя другой товаръ, отвѣчающій уже его потребностямъ. Этотъ процессъ обращенія товаровъ можно выразить формулой: товаръ—деньги—товаръ. Такъ какъ первая половина формулы—превращеніе товара въ деньги—предполагаетъ уже и другую метаморфозу—превращеніе денегъ въ товаръ, то этимъ уже намѣченъ путь обращенія товаровъ. Само собою разумѣется, что оба крайніе члена формулы (т—д—т), какъ приравненные къ одной и той же величинѣ, должны быть также равны. Такимъ образомъ одна товарная стоимость, въ концѣ процесса, возвращается къ своему исходному пункту въ формѣ другого товара. Товары въ этомъ процессѣ совершаютъ только одинъ кругооборотъ. Другое дѣло съ деньгами. Онѣ не возвращаются къ своему первоначальному владѣль-

цу, но, съ циркуляціей товаровъ, все болѣе и болѣе удаляются отъ своего исходнаго пункта, переходятъ изъ рукъ въ руки и такимъ образомъ совершаютъ процессъ своего обращенія. Между тѣмъ какъ товары все выпадаютъ изъ сферы обращенія, переходя въ дѣло потребленія—деньги постоянно остаются въ движеніи.

Отъ чего зависитъ количество денегъ, находящихся въ обращеніи? Очевидно, отъ суммы цѣнъ, имѣющихъ реализоваться; эта же послѣдняя въ свою очередь зависитъ отъ высоты цѣнъ товаровъ и количества ихъ: чѣмъ больше количество товаровъ, находящихся въ обращеніи, и чѣмъ выше цѣна ихъ, тѣмъ больше и количество циркулирующихъ денегъ, и наоборотъ. Эта сумма зависитъ также отъ быстроты обращенія денегъ, но въ обратномъ отношеніи: чѣмъ быстрѣе денежное обращеніе, тѣмъ больше оборотовъ можетъ сдѣлать одна и та-же монета, тѣмъ меньше слѣдовательно количество циркулирующихъ денегъ. Марксъ такимъ образомъ приходитъ къ выводу, прямо противоположному извѣстной теоріи денегъ. Онъ утверждаетъ, что высота цѣнъ ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ количества средствъ обращенія, но, наоборотъ, количество средствъ обращенія зависитъ отъ высоты цѣнъ, въ связи съ вліяніемъ другихъ факторовъ.

Свою роль, какъ средства обращенія, деньги выполняютъ, внутри отдѣльнаго государства, въ формѣ *монеты*, которая представляетъ собою опредѣленную вѣсовую часть золота. Значеніе монеты все-таки держится на авторитетѣ государства. На всемірномъ рынкѣ монета теряетъ свое значеніе, какъ таковая, и циркулируетъ, какъ золото. Такъ какъ монета въ большинствѣ случаевъ—вслѣдствіе ли изнашиванія или под-



дѣлки—не содержать въ себѣ столько золота, сколько обозначаетъ, то весьма понятно, почему ее замѣняютъ марками или какими-нибудь символами изъ другихъ веществъ. Такъ возникаютъ мелкія монеты и бумажныя деньги. Сумма ихъ ограничена количествомъ дѣйствительныхъ средствъ обращенія, долженствующихъ быть въ оборотѣ и которыхъ онѣ замѣняютъ. Благодаря указаннымъ свойствамъ, деньги выполняютъ свое назначеніе «какъ единственный знакъ стоимостей, или же какъ всеобщій измѣритель мѣновой стоимости всѣхъ другихъ товаровъ, какъ потребительныхъ стоимостей». Вотъ почему деньги служатъ также средствомъ *накопленія богатства*. Какъ орудіе обращенія, деньги представляютъ собою настоящее *perpetuum mobile*; выхваченныя-же изъ сферы обращенія, накопленныя, онѣ превращаются въ богатство. Владѣлецъ товаровъ продаетъ ихъ не съ цѣлью покупать другіе товары, а съ тѣмъ, чтобы нажить богатство, скопить деньги. Скопленіе богатства имѣетъ мѣсто не только у народовъ, стоящихъ на низкой ступени культуры, когда всякій излишекъ денегъ,—послѣ покрытія небольшихъ потребностей,—превращается въ драгоценности, но, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ,—скопленіе имѣетъ мѣсто и при развитомъ товарномъ производствѣ. Товаро-производитель, для того чтобы имѣть возможность постоянно и непрерывно поддерживать производство, долженъ имѣть нѣкоторый денежный запасъ, такъ какъ продажа его товаровъ не всегда гарантирована. Такъ образуется въ различныхъ пунктахъ торгово-промышленнаго міра скопленіе золота и серебра, которыхъ функція въ свою очередь заключается въ томъ, чтобы регулировать сумму денегъ, находящуюся въ обраще-



ни. Кромѣ того количество циркулирующихъ денегъ зависитъ отъ того обстоятельства, что очень часто продажа товаровъ не сопровождается реализованіемъ ихъ цѣнъ, а производится въ кредитъ. При этомъ деньги употребляются, съ одной стороны, какъ мѣра для опредѣленія цѣны продаваемыхъ товаровъ, а съ другой—какъ *платежное средство* для выполненія принятыхъ на себя обязательствъ. Количество циркулирующихъ денегъ вслѣдствіе этого то увеличивается съ наступленіемъ платежныхъ сроковъ, то уменьшается когда платежи удовлетворены. Далѣе, назначеніе денегъ, какъ платежнаго средства, служитъ основой кредитныхъ знаковъ, «причемъ долговья обязательства относительно проданныхъ товаровъ могутъ, въ свою очередь, циркулировать, какъ средство для передачи права требованія долга изъ однѣхъ рукъ въ другія». Но сфера дѣйствія этихъ бумагъ ограничена внутренними сношеніями. Въ международныхъ-же сношеніяхъ, по скольку дѣло касается перевода богатствъ изъ одной страны въ другую, или уравненія избытка обмѣна продуктовъ, въ качествѣ *всемірныхъ денегъ* выступаютъ золото и серебро въ своемъ *безформенномъ видѣ*.

Кромѣ этихъ общихъ качествъ, лежащихъ въ самой природѣ денегъ, онѣ, деньги, еще имѣютъ, при новѣйшемъ процессѣ производства, несравненно болѣе важную роль, а именно, онѣ могутъ обращаться въ *капиталъ*. «Деньги, какъ деньги, и деньги, какъ «капиталъ», прежде всего отличаются между собою по способу своего обращенія». Въ формулѣ товарнаго обращенія мы прежде «имѣли товаръ—деньги—товаръ», т. е. продажа съ цѣлью покупки; такъ что первый




продавецъ въ концѣ-концовъ получаетъ другой товаръ взаменъ своего. Марксъ различаетъ еще одну формулу обращенія: «деньги—товаръ—деньги», т. е. покупка товара съ цѣлью продать его опять-таки за деньги. Деньги, потребныя для производства этой операціи обращенія, онъ называетъ *капиталомъ*.

Гдѣ-же лежитъ разница между этими двумя формулами, если онѣ обѣ выражаютъ обыкновенные мѣновые процессы: «деньги—товаръ» и «товаръ—деньги», различающіеся только разстановкою членовъ? Мы видѣли, что въ формулѣ « $m-d-m$ » экономическій смыслъ этого мѣнового процесса слѣдуетъ искать въ различіи потребительныхъ стоимостей конечныхъ членовъ. Какъ же быть съ формулой « $d-m-d$ »? Здѣсь посредствомъ товара деньги вымѣниваются на деньги-же. Такъ какъ обмѣниваться могутъ только равныя стоимости, то денежные суммы, образующія конечные члены формулы, должны также представлять равныя величины. Однако такой обмѣнъ не имѣетъ никакого экономическаго смысла. Если все дѣло приводится къ тому только, чтобы въ замѣнъ одной суммы денегъ получать другую, совершенно ей равную, то несравненно лучше и проще совсѣмъ не пускать въ оборотъ этой суммы. Далѣе, такъ какъ денежные суммы могутъ различаться между собою только количествомъ (а не качествомъ), то, очевидно, весь этотъ процессъ обращенія только тогда будетъ имѣть *raison d'être*, когда послѣдній членъ формулы будетъ изображать бѣольшую денежную сумму. Такимъ образомъ формула должна собственно принять такой видъ: $d-m-d'$, гдѣ $d' = d + \delta d$. Опредѣленнѣе всего эта формула повидимому вычеканивается въ *коммерческомъ* капиталѣ, при которомъ товары покупаются



съ цѣлью быть проданными дороже, съ барышею. Но и промышленный капиталъ—это также деньги, превращенныя сначала въ товары, а потомъ, по продажѣ товаровъ, обратно превращенныя уже въ большее количество денегъ. «Наконецъ въ капиталѣ, приносящемъ проценты, формула обращенія $d—m—d'$ представляется въ своемъ сокращенномъ видѣ, безъ помощи средняго члена, выраженной, такъ сказать, въ лаконическомъ стилѣ, такъ: $d—d'$, т. е. деньги выростають здѣсь въ большее количество денегъ, стоимость дѣлается больше самой себя. Такимъ образомъ формула $d—m—d'$ въ дѣйствительности есть общая формула капитала, какимъ онъ непосредственно является въ сферѣ обращенія».

Однако эта формула заключаетъ въ себѣ противорѣчiе. Откуда берется этотъ прибавокъ стоимости, когда обмѣниваться могутъ только равныя стоимости? Если-бы капиталистъ даже былъ въ состоянii продавать свои товары выше ихъ стоимости, то отъ этого потеряли-бы покупатели, а сумма наличныхъ стоимостей отъ этого не увеличилась-бы, «добавочная стоимость» отъ этого не возникла-бы. Итакъ, измѣненiе въ величинѣ стоимости, изъ которой проистекаетъ добавочная стоимость, не есть слѣдствiе акта обмѣна. Добавочная стоимость можетъ возникнуть только изъ того товара, который покупаетъ самъ капиталистъ съ тѣмъ, чтобы его въ другомъ видѣ снова продать. Для этого однако необходимо, чтобы этотъ товаръ былъ самъ источникомъ стоимости. Такимъ товаромъ можетъ быть единственно только рабочiй трудъ. Для того-же, чтобы капиталистъ могъ покупать рабочiй трудъ, необходимо два условiя. Во-первыхъ, необходимо, чтобы владѣлецъ



труда, т. е. рабочій. могъ свободно располагать своей рабочей силой, не былъ-бы рабомъ; затѣмъ необходимо, чтобы онъ—вмѣсто продажи продуктовъ, въ которыхъ воплотился его трудъ,—былъ вынужденъ, за неимѣніемъ средствъ производства, продавать, какъ товаръ, самую свою рабочую силу, превратиться такимъ образомъ въ наемнаго рабочаго.

Рабочая сила, какъ и всякій другой товаръ, имѣетъ свою стоимость и цѣну. Чѣмъ же онѣ обусловливаются? *Рабочимъ временемъ, необходимымъ для воспроизведенія рабочей силы.* Время же это въ свою очередь зависитъ отъ суммы жизненныхъ средствъ, потребныхъ на содержаніе рабочихъ. Итакъ, стоимость рабочей силы опредѣляется тѣмъ количествомъ рабочаго времени, которое необходимо для произведенія такого количества продукта, сколько нужно для поддержанія жизни какъ самого рабочаго, такъ и для продолженія его рода. Эта-то стоимость и уплачивается капиталистомъ рабочему за его рабочую силу, и именно тогда, когда работа уже окончена, такъ что, выходятъ, *рабочій ссужаетъ капиталиста кредитомъ.*

Капиталистъ конечно не можетъ ограничиться одною покупкою рабочей силы: ему еще необходимы и другія средства производства, какъ напр. сырые матеріалы, машины и другія орудія труда. Только при наличности всѣхъ этихъ факторовъ онъ можетъ приступить къ процессу производства, т. е. къ процессу поглощенія новаго человѣческаго труда сырыми матеріалами. Результатъ этого процесса—продуктъ—есть собственность капиталиста, который купилъ, какъ живую рабочую силу, такъ и неодушевленные средства



производства. Процессъ производства заключаетъ въ себѣ одновременно и процессъ образованія «добавочной стоимости». Стоимость продукта есть, въ извѣстномъ смыслѣ, составная. Въ ней суммируются рабочее время, которое необходимо было для произведенія сырого матеріала, затѣмъ время для приготовленія орудій труда по столько, по сколько они участвовали въ производствѣ продукта (т. е. по сколько они изнасились, испортились въ данномъ процессѣ), и наконецъ само рабочее время (новое), затраченное въ данномъ процессѣ производства. Это-то суммированное рабочее время и образуетъ стоимость произведеннаго продукта; выраженное-же въ деньгахъ, оно образуетъ цѣну товара. По этой-то цѣнѣ товаропроизводитель и можетъ продавать свои товары. Но такъ какъ эта цѣна выражаетъ именно то, что самому капиталисту стоитъ товаръ, то, продавая по этакой цѣнѣ, онъ не получитъ никакой прибыли, производство не доставитъ ему никакой выгоды. А между тѣмъ выгода и есть цѣль его стремленій. Какъ ея добиться? Очень просто: извлеченіемъ изъ купленной рабочей силы большей стоимости, чѣмъ сколько заплачено за нее. Капиталистъ уплатилъ за нее сумму денегъ, соотвѣтствующую количеству рабочаго времени, необходимаго для ея воспроизведенія. Теперь-же онъ можетъ это время удлинить, заставивъ рабочаго работать дольше. Такъ напр., если для произведенія необходимыхъ жизненныхъ средствъ рабочаго (т. е. рабочей платы) требуется 6 часовъ труда, то предприниматель уплачиваетъ ему денежную сумму, соотвѣтствующую только этому времени, самъ-же пользуется его рабочей силой втеченіе 8, 10, 12 и болѣе часовъ. Стоимость, заключенная въ этомъ излишкѣ



времени, идетъ въ пользу капиталиста и образуетъ добавочную стоимость.

Согласно съ тѣмъ, какого рода участіе принимаетъ капиталъ въ процессѣ образованія стоимости. Марксъ различаетъ капиталъ *постоянный* и *переменный*. *Постояннымъ* онъ называетъ ту часть капитала, которая идетъ на приобрѣтеніе сырыхъ матеріаловъ, орудій труда, и которая *не измѣняетъ* величины своей стоимости въ процессѣ производства, а переноситъ ее безъ перемѣны въ стоимость произведеннаго продукта. Напротивъ того, *переменнымъ* капиталомъ Марксъ называетъ ту часть капитала, которая идетъ на покупку живой рабочей силы и которая *измѣняетъ* величину своей стоимости въ процессѣ производства. Она воспроизводитъ свой эквивалентъ и сверхъ того нѣкоторый излишекъ или *добавочную стоимость*. Высота добавочной стоимости не зависитъ такимъ образомъ отъ постоянного капитала. Наоборотъ, къ переменному капиталу добавочная стоимость относится такъ, какъ добавочный трудъ (т. е. работа, выполненная сверхъ необходимой для воспроизведенія содержанія рабочаго) относится къ необходимому труду. *Это отношеніе опредѣляетъ степень эксплуатаціи рабочаго труда*. Эксплуатация труда находитъ себѣ предѣлъ въ физической границѣ рабочей силы, вслѣдствіе которой человѣкъ не можетъ тратить болѣе опредѣленнаго количества жизненной силы втеченіе каждыхъ 24 часовъ. Кромѣ того есть еще и другія (общественно-нравственныя) ограниченія. «Рабочему необходимо время для выполненія своихъ духовныхъ и социальныхъ потребностей, объемъ и содержаніе которыхъ нормируются степенью его культурнаго развитія».



Ясно теперь, что точка зрѣнія капиталистовъ и рабочихъ относительно границъ рабочаго дня радикально различна. Фабрикантъ, покупающій рабочую силу, вообще желаетъ извлечь изъ этого купленнаго товара возможно больше пользы и потому старается удлинить рабочій день до возможнаго maximum'a. Рабочій-же сопротивляется этому просто уже потому, что иначе ему пришлось-бы преждевременно истощить свои силы и потерять такимъ образомъ способность къ работѣ. Вотъ почему рабочіе требуютъ установленія *нормальнаго* рабочаго дня.

Изъ этихъ-то прямо противоположныхъ взглядовъ и стремленій возникаетъ борьба между капиталистомъ и рабочимъ изъ-за величины рабочаго дня.—борьба, разрѣшающаяся, смотря по силѣ обстоятельствъ, то въ пользу одной, то въ пользу другой стороны; хотя собственно обѣ стороны,—принимая во вниманіе свободу договора,—имѣютъ равное право: одна—удлинять рабочій день до крайнихъ границъ физической возможности, другая—щадить свои рабочія силы. Марксъ мастерски изобразилъ картину этой борьбы. Прежде всего онъ приводитъ примѣры чрезвычайнаго злоупотребленія человѣческой рабочей силой нѣкоторыми англійскими фабрикантами и валахскими боярами. Капиталистъ не удовлетворяется только рабочимъ днемъ, растянутымъ до 18 и 20 часовъ труда; онъ еще превращаетъ ночь въ день, смѣняя дневныхъ рабочихъ ночными, дабы не терять ни одного часа времени.

Положеніе рабочихъ ничуть не улучшается отъ того, что въ дѣло употребляются, кромѣ взрослыхъ мужчинъ, еще женщины и дѣти, для которыхъ фабричный трудъ еще несноснѣе. Въ Англійи правитель-

ственная власть уже давно вмѣшалась въ эту борьбу Капитала и Труда. Въ этомъ вмѣшательствѣ слѣдуетъ различать два различныхъ теченія. Начиная съ XIV и вплоть до конца XVII столѣтія, въ англійскомъ законодательствѣ преобладала тенденція увеличивать рабочее время. Однако максимальные рабочіе дни, указанные въ тогдашнихъ статутахъ, все-таки несравненно короче того рабочаго времени, которое капиталисты позже стали безпрепятственно извлекать изъ рабочихъ. Все возраставшее могущество капитала, а съ нимъ вмѣстѣ и эксплуатація рабочихъ, направило наконецъ рабочее законодательство на путь, совершенно противоположный первому. Съ наступленіемъ XIX-го столѣтія начинается въ англійскомъ законодательствѣ дѣятельность, направленная прежде всего въ пользу ограниченія рабочаго дня для женщинъ, дѣтей и вообще юныхъ работниковъ. Это ограниченіе должно было благопріятно отразиться и на рабочемъ времени взрослыхъ рабочихъ мужчинъ, и Марксъ признаетъ за благо для рабочаго класса принятіе «десятичасового билля».

Затѣмъ Марксъ опять возвращается къ основной причинѣ этой борьбы изъ-за рабочаго дня, *добавочной стоимости*. Кромѣ той добавочной стоимости, которая проистекаетъ изъ простаго удлиненія рабочаго дня и которую Марксъ называетъ *обсолютною* или *безусловною*, онъ отличаетъ еще другую категорію добавочной стоимости, *относительную*. До сихъ поръ предполагалось, что необходимое рабочее время не измѣняется и что добавочная стоимость извлекается исключительно изъ фактическаго удлиненія рабочаго времени. Того-же результата можно однако достигнуть и *путемъ*

сокращенія необходимаго рабочаго времени, не измѣняя величины самаго рабочаго дня; ибо добавочная стоимость зависитъ отъ отношенія между этими двумя величинами. «Добавочную стоимость, произведенную посредствомъ удлиненія рабочаго дня, я называю абсолютною. Напротивъ того, ту добавочную стоимость, которая происходитъ изъ сокращенія необходимаго рабочаго времени, и изъ соотвѣтственнаго измѣненія во взаимномъ отношеніи обѣихъ составныхъ частей рабочаго дня,— я называю относительною добавочною стоимостью». Но какъ-же возможно такое сокращеніе необходимаго рабочаго времени? Единственно и только путемъ увеличенія *производительности труда*, ибо только такимъ образомъ возможно сократить количество труда необходимаго для воспроизведенія рабочей платы. Итакъ, если при возросшей силѣ производительности труда величина рабочаго дня даже остается та-же, то, очевидно, добавочная стоимость все-таки должна увеличиться.

Такого увеличенія производительной силы труда возможно достигнуть троякимъ образомъ: во 1-хъ, посредствомъ простой коопераціи рабочихъ; во 2-хъ, посредствомъ мануфактурнаго раздѣленія труда (мануфактура) и, наконецъ въ 3-хъ, посредствомъ введенія машинъ и крупной индустріи. Кооперація, т. е. одновременное сотрудничество бѣльшаго числа рабочихъ въ одной и той-же работѣ, даетъ въ результатѣ большее количество продукта, чѣмъ если-бы каждый изъ нихъ работалъ отдѣльно. Изъ слитія многихъ силъ въ одну общую, соединенную силу получается новая сила, при помощи которой достигаются результаты, либо недоступные для единичныхъ усилій отдѣль-

наго работника, либо доступные только съ большою затратою труда и времени. Кромѣ того здѣсь существуетъ еще общественное соприкосновеніе трудящихся «порождающее особенное соревнованіе, особенное возбужденіе духа, ведущее къ увеличенію индивидуальной успѣшности каждаго отдѣльнаго работника». Предварительнымъ условіемъ такой коопераціи служитъ объединеніе капитала, необходимаго для вознагражденія рабочимъ, въ однѣхъ рукахъ. Вслѣдствіе этого общественная производительность труда кажется производительностью капитала. Кооперація рабочихъ силъ образуетъ основную, элементарную форму капиталистическаго способа производства и находитъ себѣ примѣненіе даже при болѣе развитыхъ формахъ производства, именно тамъ, гдѣ раздѣленіе труда и употребленіе машинъ еще не играютъ значительной роли.

Ближайшею и высшею ступенью капиталистическаго способа производства, послѣ коопераціи, является мануфактура. Она основывается на принципѣ раздѣленія труда и развивается изъ ремеслъ по двумъ направленіямъ. Во-первыхъ, различныя ремесла, комбинированныя въ мануфактурѣ, теряютъ свою самостоятельность и дѣлаются, такъ сказать, односторонними до того, что превращаются въ дополняющія другъ друга ступени производства одного цѣльнаго продукта. Съ другой стороны, каждое отдѣльное ремесло распадается на свои составныя части до тѣхъ поръ, пока каждая такая часть не сдѣлается предметомъ самостоятельной дѣятельности отдѣльнаго работника. Мануфактура можетъ такимъ образомъ проявиться въ двухъ формахъ: сложной или разнородной и простой органической. Первая изъ нихъ покоится на сочетаніи

цѣлаго ряда другъ отъ друга независимо произведенныхъ, частныхъ операцій, между тѣмъ какъ органическая мануфактура производитъ послѣдовательныя ступени развитія однодо и того-же продукта, цѣлый рядъ другъ друга дополняющихъ процессовъ труда, такъ что одинъ рабочій, или даже цѣлая группа рабочихъ какъ-бы доставляетъ своей работой сырой матеріалъ другой группѣ рабочихъ.

Предварительнымъ условіемъ мануфактурнаго дѣленія труда служитъ раздѣленіе труда въ обществѣ. При общественномъ раздѣленіи труда каждый работникъ производитъ товары, т. е. годныя къ продажѣ потребительныя стоимости. Не совсѣмъ такъ это происходитъ при мануфактурномъ способѣ производства. Болѣе крупное различіе между этими двумя видами дѣленія труда заключается въ томъ, что при мануфактурѣ каждое отдѣльное производство совершается подъ руководствомъ капиталиста и составляетъ необходимое звено въ цѣпи другихъ отраслей производства; въ общественномъ-же раздѣленіи труда господствуетъ полнѣйшая независимость, вслѣдствіе чего проистекаютъ частыя нарушенія равновѣсія между отдѣльными отраслями производства. Другими словами, — въ общественномъ дѣленіи труда господствуетъ «анархія», а въ мануфактурѣ — «твердая рука капитала». Капиталистическій характеръ мануфактуры проявляется уже въ томъ, что для ея развитія требуется несравненно большее скопленіе капитала, чѣмъ при простой кооперации. Не только переменная часть требуетъ бѣльшихъ затратъ, но и постоянный капиталъ долженъ быть больше, ибо нужно больше неодушевленныхъ средствъ производства. Выгоды-же капиталиста, получаемыя

при мануфактурномъ дѣленіи труда, приобрѣтаются главнымъ образомъ на счетъ производства «отчислительной добавочной стоимости». Рабочій-же при такомъ способѣ производства становится все несамостоятельнымъ, одностороннимъ, автоматичнымъ. Все-же въ основѣ мануфактурнаго производства преобладаетъ *ремесленный характеръ*, отнимающій у капитала возможность совершенно подчинить себѣ рабочихъ. Это послѣднее обстоятельство случается только съ введеніемъ машинъ и крупнаго промышленнаго производства.

Всякая болѣе или менѣе совершенная машина, по Марксу, должна состоять изъ трехъ частей: двигательной машины, передаточнаго механизма и изъ механическаго инструмента или собственно рабочей машины. Дѣйствительную примѣту отличія между машиннымъ и ручнымъ трудомъ онъ видитъ не въ различіи двигателей, а въ томъ, что машина замѣняетъ рабочаго, употребляющаго только одинъ инструментъ, механизмомъ, дѣйствующимъ заразъ цѣлой системой такихъ-же или подобныхъ инструментовъ, приводимыхъ въ движеніе одной постоянной движущей силой. Примѣненіе отдѣльной машины образуетъ однако простую форму машиннаго производства. Свою развитую форму это производство получаетъ только съ приложеніемъ пара къ двигательнымъ машинамъ, которыя тогда совершенно освобождаются отъ ограниченныхъ человѣческихъ силъ и дѣлаются какъ-бы самостоятельными. Благодаря паровому двигателю, возможна и кооперація машинъ, состоящая или изъ соединенія многихъ однородныхъ машинъ, или изъ системы машинъ. Развитіе крупной промышленности и машиннаго производства находитъ себѣ поддержку до тѣхъ поръ, пока сами машины не произво-

дятся посредствомъ машинъ-же. Но разъ такая вещь достигнута,—этимъ устраняется послѣднее препятствіе къ все большему распространенію машинъ. «При машинномъ способѣ производства, орудія труда получаютъ матеріальный способъ существованія, обусловливающий замѣну человѣческой силы силами природы и рутинныхъ приѣмовъ, почерпнутыхъ изъ опыта, — сознательнымъ примѣненіемъ естествознанія», говоритъ нашъ авторъ. Вслѣдствіе этого индивидуальность рабочаго сильно подавляется: машины могутъ выполнять свое назначеніе только при одновременной общей работѣ; кооперативный характеръ трудового процесса предписывается уже самою сущностью рабочихъ инструментовъ и машинами.

Что касается вліянія машинъ на процессъ образованія стоимости продуктовъ, то онѣ переносятъ на продуктъ только ту часть своей стоимости, которая получается какъ результатъ изнашиванія машины. Этимъ самымъ опредѣляется граница хозяйственнаго употребленія машинъ, причемъ машина можетъ быть введена только тогда, когда производство ея самой стоитъ меньше того количества труда, которое она замѣняетъ. Для капитала однако эта граница нѣсколько уже: здѣсь рѣшающее значеніе имѣетъ не замѣненный машиною трудъ, а замѣненная рабочая сила, ибо капиталистъ только этою послѣднею пользуется, извлекая изъ нея больше, чѣмъ уплатилъ за нее.

Вліяніе машинъ на рабочихъ прежде всего обнаруживается въ томъ, что на ряду со взрослыми мужчинами въ работу вовлекаются женщины и дѣти, такъ какъ при машинномъ производствѣ требуется меньше мускульной силы. Не говоря уже о моральномъ и со-

ціальному вреду женскаго и дѣтскаго труда, онъ еще ведетъ за собою то послѣдствіе, что понижаетъ необходимое рабочее время, а съ нимъ еще больше и рабочую плату. Между тѣмъ какъ прежде работы самого отца хватало для содержанія семьи, теперь для той-же цѣли, т. е. для приобрѣтенія необходимыхъ жизненныхъ средствъ, должны работать и жена, и дѣти. Помимо всего этого употребленіе машинъ ведетъ къ удлинению рабочаго дня. Капиталисту выгодно возможно меньше оставлять свои машины въ бездѣйствіи, тѣмъ болѣе, что порча ихъ не растетъ въ той-же пропорціи, въ какой растетъ время ихъ употребленія. Напрасно, — думаетъ Марксъ, — тутъ также указывается на мнимое облегченіе труда при машинномъ производствѣ. Когда безмѣрному увеличенію рабочаго дня ставятся границы въ видѣ введенія нормальнаго рабочаго дня, то капиталистъ избираетъ новый путь для достиженія своихъ цѣлей: онъ добивается большей напряженности труда; онъ старается наверстать посредствомъ напряженности труда то, что онъ теряетъ въ сокращеніи рабочаго дня. Это достигается отчасти уже тѣмъ, что съ уменьшеніемъ продолжительности работы усиливается сама по себѣ и внимательность, и охота къ труду. Кромѣ того, напряженность труда можетъ быть достигнута и дѣйствительно достигается благодаря громадной быстротѣ, съ которой дѣйствуютъ машины, за которыми долженъ поспѣвать рабочій. Сюда надо еще прибавить, что арена дѣятельности фабричнаго рабочаго — фабрика — даетъ капиталисту возможность завести тамъ чисто военную дисциплину, эксплуатируемую часто весьма некрасиво, или даже грубо, въ его (капиталиста) пользу.



Марксъ совершенно опровергаетъ мнѣніе, будто тѣ потери, которыя испытываютъ рабочіе, вслѣдствіе введенія машинъ, вознаграждаются отчасти тѣмъ, что больше капитала освобождается и идетъ на наемъ бѣльшаго числа рабочихъ. Наоборотъ, — утверждаетъ онъ, — масса рабочихъ остается теперь безъ помощи, ибо переменный капиталъ, употреблявшійся до сихъ поръ на покупку рабочей силы, превращается теперь въ постоянный капиталъ, тратится на пріобрѣтеніе машинъ. Съ возрастаніемъ производства дѣйствительно увеличивается количество занятыхъ рабочихъ въ соответственныхъ отрасляхъ промышленности и въ тѣхъ, которыя доставляютъ этимъ отраслямъ сырой матеріалъ. Но новое усовершенствованіе машинъ снова оставляетъ этихъ рабочихъ безъ хлѣба. Эти вѣчныя колебанія, это лихорадочное состояніе, въ которомъ держитъ рабочаго постоянно мѣняющаяся производительность фабричнаго труда, хуже всего вліяютъ на судьбу рабочаго класса. Какъ рельефный примѣръ, Марксъ приводитъ судьбу англійскихъ хлопчатобумажныхъ рабочихъ.

Рядомъ съ фабричнымъ производствомъ мануфактура и ремесла не могутъ долго устоять—оба подлежатъ конкуренціи. Въ мануфактурѣ и особенно въ ремесленномъ трудѣ рабочей еще больше эксплуатируется, чѣмъ на фабрикѣ, вслѣдствіе стремленія хозяевъ поддержать свое производство безъ помощи машинъ. Переходъ къ фабричному, машинному производству со временемъ дѣлается неизбѣжнымъ и ускоряется отчасти введеніемъ мелкихъ машинъ въ мануфактуру и ремесла, какъ напр. швейная машина, отчасти же фабричнымъ законодательствомъ, распро-

страняющимся и на эти виды промышленности. Фабричное законодательство—эта единственная физическая и духовная защита рабочихъ классовъ отъ капитала—имѣетъ однако съ другой стороны то вліяніе, что создаетъ исключительное господство фабричной промышленности, способствуя устраненію всѣхъ давно заведенныхъ и переходныхъ формъ производства. Но вслѣдствіе этого-же борьба противъ фабричнаго строя дѣлается все общѣе и число участвующихъ въ ней рабочихъ все увеличивается.

Послѣ того какъ Марксъ такимъ образомъ попытался доказать, что всевозможнаго рода улучшенія въ производительности труда идутъ исключительно на пользу капиталиста, увеличивая цифру добавочной стоимости, онъ опять обращается къ изслѣдованію дѣйствительныхъ основъ этой стоимости. Онъ находитъ ихъ въ томъ, что производительная сила труда превышаетъ нынѣ ту степень напряженности, которой было-бы достаточно для удовлетворенія потребностей рабочихъ. Рабочій можетъ производить добавочную стоимость для другихъ только тогда, когда производство жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для него самого и для поддержанія его рода, не отнимаетъ у него всего его времени. Время-же наступленія, и наступаетъ-ли вообще такой моментъ въ величинѣ производительности труда.—зависитъ съ одной стороны отъ естественныхъ, а съ другой—отъ историческихъ условій развитія труда. Первые (условія) таятся отчасти въ самомъ человѣкѣ, отчасти-же во внѣшней природѣ. Поэтому въ различныхъ климатахъ различна и производительная сила труда и капитала, хотя не нужно думать, что самая плодородная почва пред-



ставляетъ и самыя благопріятныя условія для развитія добавочной стоимости. «Не тропическій климатъ съ своею роскошною растительностью, а умѣренный поясъ есть отечество капитала. Единственную основу общественнаго дѣленія труда образуетъ не крайнее плодородіе почвы, но ея разнообразіе, разнообразіе ея естественныхъ продуктовъ, и при измѣненіи природныхъ условій, въ которыхъ живетъ человѣкъ, поощряетъ его разнообразить свои собственныя потребности, способности, средства и способы труда».

При капиталистическомъ способѣ производства капиталъ становится господиномъ всей рабочей силы. Поэтому онъ распоряжается не только необходимымъ рабочимъ трудомъ, который онъ оплачиваетъ, но также произведеннымъ, неоплаченнымъ добавочнымъ трудомъ. Такимъ образомъ основой увеличенія перемѣннаго капитала въ процессѣ образованія стоимости служитъ *возможность располагать извѣстнымъ количествомъ чужого неоплаченнаго труда.*

Рабочая плата капиталиста оплачиваетъ только необходимое рабочее время; однако плата эта обозначается, какъ цѣна или стоимость *всего* рабочаго труда. Но это невѣрно, ибо трудъ, какъ человѣческая способность, самъ создающій стоимости, не можетъ имѣть стоимости. Рабочая плата скорѣе выражаетъ стоимость источника труда—рабочей силы (т. е. необходимыхъ жизненныхъ средствъ, на производство которыхъ нуженъ не весь рабочій день, а только часть его), которая платою вознаграждается соотвѣтственно своей стоимости, опять - таки опредѣляемой количествомъ необходимаго труда. Здѣсь нѣтъ никакой разницы, будетъ-ли рабочій вознагражденъ подневно



или поштучно. При поденной или по-недѣльной платѣ цѣна труда зависитъ отъ длины рабочаго дня, опредѣляемаго числомъ рабочихъ часовъ. Только часовое вознагражденіе даетъ вѣрное понятіе о высотѣ рабочей платы. При такомъ взглядѣ, увеличенная рабочая плата фактически будетъ понижена, если одновременно будетъ увеличенъ и рабочій день. Поштучная плата основывается на томъ-же началѣ. Рабочему и здѣсь уплачиваютъ не за продуктъ его труда, а только стоимость рабочей силы. Разница заключается только въ томъ, что, при платѣ по времени, трудъ измѣряется по его непосредственной продолжительности, «при поштучной-же платѣ—количествомъ продуктовъ, произведенныхъ въ опредѣленный періодъ времени». Поштучная плата также служитъ капиталисту средствомъ возвысить съ одной стороны напряженность труда, а съ другой—еще больше удлинить рабочій день.

Изобразивши такимъ образомъ и критически освѣтивши роль капитала и его отношеніе къ труду въ процессѣ производства, Марксъ обращается затѣмъ къ изложенію *процесса накопленія* капитала. Подъ этимъ послѣднимъ онъ разумѣетъ тотъ процессъ, который проходитъ капиталъ, благодаря продажѣ произведенныхъ продуктовъ. При изслѣдованіи этого процесса, Марксъ предварительно замѣчаетъ, что *фактически* добавочная стоимость достается не только одному предпринимателю - капиталисту, но дѣлится и между другими капиталистами (землевладѣльцами на примѣръ).

Процессъ производства товаровъ является въ то-же время какъ процессъ воспроизведенія капитала, причемъ достающаяся капиталисту добавочная стоимость



опять - таки превращается въ капиталъ. Даже когда капиталистъ повидимому расходуетъ добавочную стоимость, то въ дѣйствительности, фактически, онъ расходуетъ только свой первоначальный капиталъ, который ежегодно воспроизводится вмѣстѣ съ новою добавочною стоимостью. Это превращеніе добавочной стоимости въ капиталъ служитъ, по Марксу, источникомъ накопленія капитала. Если капиталистъ проживаетъ всю произведенную добавочную стоимость, то капиталъ воспроизводится безъ всякаго увеличенія. Если-же добавочная стоимость, т. е. сумма денегъ, представляемая ею, приобщается къ капиталу для покупки добавочной рабочей силы, то воспроизведеніе капитала принимаетъ прогрессивный характеръ, создавая возрастающее накопленіе, причемъ такъ употребленная добавочная стоимость сама также производитъ новую добавочную стоимость.

Степень накопленія зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ. Прежде всего, разумѣется, она зависитъ отъ того, какая доля добавочной стоимости потребляется и какая опять затрачивается, какъ капиталъ; затѣмъ она зависитъ отъ степени эксплуатаціи труда, которая можетъ дойти до того, что рабочая плата становится ниже стоимости содержанія рабочей силы. Кромѣ того, чѣмъ большая часть труда идетъ на производство добавочной стоимости, тѣмъ быстрѣе совершается процессъ накопленія капитала. Накопленіе также ускоряется вслѣдствіе возвышенія производительности труда, которая увеличиваетъ не только первоначальную добавочную стоимость, но въ такой-же мѣрѣ и вновь произведенную добавочную стоимость. Наконецъ быстрота накопленія увеличивается еще съ самымъ на-

копленіемъ, такъ какъ при постоянномъ увеличеніи накопленія все большія суммы стоимостей поступаютъ въ распоряженіе капитала. «Чѣмъ больше растетъ капиталъ, благодаря постепенному накопленію, тѣмъ больше также растутъ суммы стоимостей, распредѣляемыхъ между суммой потребленія и суммой накопленія. Капиталистъ поэтому можетъ роскошнѣе жить и все-таки еще больше скоплять или, какъ говорятъ иные экономисты, *воздерживаться*; наконецъ всѣ пружины производства дѣйствуютъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ обширнѣе дѣлается производство съ возросшей массой капитала». Съ ростомъ накопленія, т. е. съ постояннымъ возрастаніемъ капитала, должна, само собою разумѣется, возрасти и переменная часть капитала, предназначенная для покупки рабочей силы, а соотвѣтственно съ этимъ и количество занятыхъ рабочихъ. Вслѣдствіе-же увеличеннаго спроса на трудъ подымается рабочая плата, но не надолго. Всякое увеличеніе рабочей платы обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніе количества неоплаченнаго труда, т. е. добавочной стоимости. Какъ только уменьшеніе дѣлается значительнымъ, то побужденіе къ накопленію ослабляется, уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и причина повышенія рабочей платы: она падаетъ до своего прежняго уровня. Мало того, что рабочая плата обыкновенно не повышается съ возрастаніемъ капитала, положеніе рабочаго дѣлается даже менѣе благопріятнымъ. Дѣло въ томъ, что отношеніе между постояннымъ и переменнымъ капиталомъ не остается неизмѣннымъ. Съ возрастаніемъ капитала и производительной силы труда растетъ также и постоянная часть капитала на счетъ переменнаго, а вслѣдствіе этого спросъ на трудъ



долго не увеличивается пропорціонально съ возросшимъ капиталомъ. Кромѣ того нужно прибавить, что параллельно съ общимъ накопленіемъ идетъ процессъ *сущенія, концентраціи* (сосредоточенія) крупныхъ капиталовъ, вытѣсняющихъ съ промышленнаго поля мелкіе и средніе капиталы. При крупномъ-же капиталѣ отношеніе между частями переменнаго и постояннаго капитала еще менѣе благоприятно для положенія рабочихъ.

Колебанія, сопровождающія процессъ накопленія капитала и захватывающія иногда весь капиталъ, иногда же только его переменную часть,—имѣютъ особенное значеніе. Измѣненія въ величинѣ переменнаго капитала ведутъ къ непрерывному колебанію въ числѣ занятыхъ рабочихъ. Этимъ самымъ создается измѣняющійся избытокъ рабочаго перенаселенія, который обнаруживается или въ выталкиваніи уже занятыхъ рабочихъ, или же въ затруднительномъ поглощеніи этихъ рабочихъ обычнымъ трудомъ, составляющимъ для нихъ теперь уже недостаточный отводный каналъ. Въ различныхъ отрасляхъ производства происходитъ одновременно, или въ разное время, то увеличенный спросъ на рабочихъ, то выталкиваніе лишнихъ рабочихъ. Отсюда уже вытекаетъ, при капиталистическомъ способѣ производства, особый законъ населенія, по которому каждое время имѣетъ свой колеблющійся избытокъ перенаселенія. Этотъ-то избытокъ рабочаго перенаселенія и образуетъ «готовую, резервную промышленную армію». Эта послѣдняя и служитъ капиталу, смотря по обстоятельствамъ, то къ расширенію, то къ сокращенію производства, т. е. процесса овеществленія стоимости, причемъ рабочіе либо привлекаются къ работѣ, либо выталкиваются опять въ нищету безработицы. Всѣ средства,

благодаря которымъ возвышается производительность труда или замѣняется ручная работа машинами; слѣдуетъ также къ тому, чтобы «освободить» известное количество рабочихъ, увеличивающихъ такимъ образомъ рабочую резервную армію. Эти «освобожденные» не только находятся въ постоянномъ распоряженіи капитала, но еще даютъ своею конкуренціею на рабочую плату занятыхъ работниковъ, которыхъ они во всякое время готовы замѣнить. Этому положенію приходятъ на помощь отчасти рабочіе союзы (Trades Unions), «стремящіеся къ планомѣрному регулированію отношеній между занятыми и незанятыми работниками». Но «рабочая резервная армія» растетъ въ той-же мѣрѣ, какъ и накопленіе капитала, такъ что положеніе рабочаго, при капиталистическомъ способѣ производства, дѣлается тѣмъ ненадежнѣе, чѣмъ больше возрастаетъ капиталъ и чѣмъ больше производится продуктовъ.

Для того, чтобы возможенъ былъ процессъ накопленія капитала, необходимъ былъ первоначальный капиталъ, т. е. такой, который является не результатомъ капиталистическаго способа производства, а его исходнымъ пунктомъ. Какимъ образомъ онъ получился? Марксъ называетъ процессъ происхожденія этого послѣдняго процессомъ первоначальнаго накопленія и объясняетъ его слѣдующимъ образомъ: «Капиталистическія отношенія предполагаютъ *отдѣленіе* работниковъ отъ собственности во время процесса овеществленія труда. Какъ скоро капиталистическое производство стало уже разъ на собственные ноги, то оно не только сохраняетъ это «отдѣленіе», но воспроизводитъ его все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ. Поэтому процессъ, создающій капиталистическія отношенія, мо-



жетъ быть только процессомъ отдѣленія работника отъ владѣнія орудіями труда,—процессомъ, который съ одной стороны превращаетъ общественныя средства производства въ капиталъ, а съ другой—непосредственнаго производителя въ наемнаго работника». Этотъ процессъ «отдѣленія» совершался при переходѣ общества отъ феодальнаго строя къ капиталистическому. Въ феодальномъ обществѣ самъ непосредственный производитель—работникъ былъ связанъ по рукамъ давленіемъ цеховъ; онъ не могъ свободно располагать своимъ трудомъ. Для того-же, чтобы онъ превратился въ наемнаго рабочаго, необходимо было съ одной стороны дать ему личную свободу, а съ другой—отнять у него средства къ производству.

Процессъ первоначальнаго накопленія можетъ принимать тотъ или другой характеръ, смотря по тому, идетъ-ли дѣло объ образованіи земледѣльческаго или промышленнаго капитала. Земледѣльческій капиталъ прежде всего образуется, благодаря отторженію крестьянъ отъ земли (экспроприаціи). Этотъ процессъ совершился въ Англии въ концѣ XV-го и началѣ XVI-го вѣка. Феодальные владѣтели изгнали тогда крестьянъ, разрушили ихъ жилища и превратили пахатныя поля въ пастбища для разведенія овцеводства. Противодѣйствія законодательныхъ актовъ остались безъ послѣдствій. Дальнѣйшій свой ходъ этотъ процессъ завершилъ конфискаціей монастырскихъ земель и отдачей ихъ за безцѣнокъ разнымъ фаворитамъ и спекулянтамъ, между тѣмъ какъ обитатели этихъ разоренныхъ земель были превращены въ пролетаріевъ. Вскорѣ послѣ этого, благодаря уничтоженію феодальныхъ повинностей и замѣнѣ ихъ налогами, феодальная собственность превра-

тилась въ буржуазную. Сюда нужно еще прибавить расхищеніе государственныхъ имуществъ и захватъ общинной собственности со стороны земельныхъ владѣтелей. Рука объ руку съ этимъ разореніемъ крестьянъ и наростаніемъ пролетаріата шло самое жестокое законодательство о бродяжничествѣ, которое, по понятнымъ причинамъ, принимало необычайные размѣры. Эти законы о бродяжничествѣ, стремившіеся насильственно понизить рабочую плату, остались въ дѣйствиіи вплоть до начала XIX-го вѣка.

Всѣ указанныя здѣсь явленія имѣли слѣдствіемъ съ одной стороны созданіе крупныхъ собственниковъ, а съ другой—пролетаріата. Но откуда-же взялся настоящій сельско-хозяйственный капиталистъ-арендаторъ? Первые арендаторы еще сами были крѣпостными; позже ихъ мѣсто заняли арендаторы, которые получали отъ своихъ помѣщиковъ сѣмена, скотъ и земледѣльческія орудія. Они становились такимъ образомъ половниками, полу-арендаторами въ полномъ смыслѣ, пока наконецъ не развились настоящіе арендаторскіе контракты. Отчужденіе крестьянскихъ земель болѣе всего послужило въ пользу арендаторовъ. Но еще больше выгодъ эти послѣдніе извлекли изъ упадка стоимости денегъ въ XVI вѣкѣ, такъ какъ рабочая плата тогда сильно понизилась, а земельная рента осталась та же. Вотъ какимъ образомъ явился въ Англии въ XVI вѣкѣ богатый классъ капиталистовъ-арендаторовъ.

Когда такимъ образомъ образовался земледѣльческій капиталъ, то вслѣдъ за нимъ, какъ за своею предварительною ступеню, сталъ появляться и *промышленный капиталъ*. Загнанные, обращенные въ пролетаріевъ, крестьяне доставляли капиталу наемныхъ

работниковъ и образовывали его внутренній рынокъ, ибо эти работники, прежде сами производившіе продукты своего потребленія, теперь вынуждены были покупать ихъ. Собственно-же промышленный капиталъ создавался весьма различными путями. Прежде всего небольшая часть цеховыхъ мастеровъ съ теченіемъ времени превращалась въ капиталистовъ; затѣмъ ростовщическій и торговый капиталы, скопленные еще въ среднихъ вѣкахъ, съ устраненіемъ феодальнаго и цехового строя нашли возможность превратиться въ промышленный капиталъ. Но несравненно болѣе важную роль въ происхожденіи промышленнаго капитала играли: «колониальная система, система государственныхъ долговъ, новѣйшая система налоговъ и протекціонныя пошлины». Колониальная система содѣйствовала громадному успѣху въ торговлѣ товарами и рабами и создала такимъ образомъ крупныхъ капиталистовъ. Благодаря системѣ государственныхъ долговъ, непроизводительныя деньги были превращены въ капиталъ, послужившій къ развитію акціонерныхъ обществъ, биржевой игры и господства банковъ. Объ руку съ системой государственныхъ долговъ идетъ система непрерывно возрастающихъ налоговъ, главнымъ образомъ лежащихъ на рабочій классъ. Протекціонизмъ наконецъ имѣлъ цѣлю «фабриковать фабрикантовъ, экспроприровать независимыхъ работниковъ, капитализировать національныя средства производства и существованія, насильственно ускорять переходъ отъ стараго способа производства къ новому, капиталистическому».

Разъ такъ образовался капиталъ и капиталистическій способъ производства достигъ полного господства, начинается совершенно обратный процессъ экспро-

пріаціи. Одинъ капиталистъ обездоливаетъ другого, болѣе крупный капиталъ давитъ мелкій, концентрація капиталовъ въ рукахъ немногихъ денежныхъ магнатовъ все болѣе возрастаетъ, пока наконецъ и этому процессу не настаетъ предѣла: «сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаетъ такой степени, что они не могутъ долѣе выносить свою капиталистическую оболочку, она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности: экспроприирующихъ экспроприруютъ», т. е. обирающихъ обираютъ.

Я попытался, на настоящихъ страницахъ, изобразить, въ общихъ чертахъ конечно, научно-экономическое міровоззрѣніе Маркса постольку, поскольку оно выразилось въ лежащемъ передъ нами первомъ томѣ его «Капитала». Я пропустилъ при этомъ его блестящее изложеніе положенія англійскихъ рабочихъ, которое Марксъ повсюду имѣетъ въ виду, и только вкратцѣ упомянулъ о немъ. Положеніе рабочихъ служило для меня только иллюстраціей, но ни въ какомъ случаѣ не способомъ доказательства поставленныхъ Марксомъ тезисовъ. Пусть мое изложеніе не безъ пробѣловъ, пусть въ него вкрались ошибки, но мнѣ все-таки кажется, что я успѣлъ вѣрно представить основныя черты воззрѣній Маркса,—и это единственно я имѣлъ въ виду.

При сужденіи о научномъ значеніи работъ Маркса нужно замѣтить, что Марксъ вовсе не думалъ дать цѣлую новую экономическую систему, но—какъ это уже видно изъ заглавій его основныхъ трудовъ,—онъ хотѣлъ представить «критику политической экономіи». Поэтому-то мы у Маркса и не находимъ строго систе-

матическаго, въ детали входящаго, изложенія и изслѣдованія экономическихъ явленій и процессовъ. Онъ отра-
 нчиваетъ свою работу больше всего тѣмъ, что выводитъ отдѣльныя основныя положенія, а потомъ уже изслѣдуетъ ихъ вліяніе въ различныхъ областяхъ политической экономіи, въ особенности-же вліяніе ихъ на отношеніе между капиталомъ и трудомъ. Основныя теоремы его (одна изъ другой вытекающія) касаются теоріи цѣнности, теоріи денегъ, теоріи капитала и теоріи добавочной стоимости. Краеугольнымъ камнемъ всего этого теоретическаго зданія служитъ понятнымъ образомъ его теорія добавочной стоимости. Здѣсь Марксъ исходитъ изъ того положенія, высказаннаго уже Ад. Смитомъ и Д. Рикардо, а еще раньше Дж. Стюартомъ,—что трудъ есть творецъ всякой цѣнности. Помимо всего, должно признать, что самая неоспоримая заслуга Маркса заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ сдѣлать окончательные выводы изъ указаннаго сейчасъ тезиса и такимъ образомъ создать цѣльную, хорошо обработанную теорію цѣнности.

Марксъ видитъ въ стоимости товара не какой-нибудь случайный признакъ, не результатъ какого-нибудь внѣшняго отношенія, но *свойство, нераздѣльное съ понятіемъ о товарѣ*, какъ нераздѣльно съ нимъ понятіе о протяженности, тяжести, цвѣтѣ и т. д. Безъ всякаго отношенія къ тому, о какомъ именно хозяйственномъ предметѣ идетъ рѣчь, онъ разсматриваетъ всякую стоимость не иначе, какъ продуктъ овеществленнаго труда. Онъ совершенно не обращаетъ вниманія на субъективную природу стоимости и на вытекающее отсюда различіе между индивидуальной и общественною стоимостью, между тѣмъ какъ *только* этимъ раз-

личіемъ можно вообще объяснить хозяйственно-экономическое значеніе процесса обмѣна. Марксъ не знаетъ двойственной природы стоимости. Способность товаровъ удовлетворять человѣческія потребности, ихъ потребительная стоимость, ни въ какомъ случаѣ не вліяетъ, по его мнѣнію, на мѣновую стоимость. Эта послѣдняя, по Марксу, зависитъ исключительно отъ величины стоимости производства, которая въ свою очередь измѣняется количествомъ затраченнаго на него человѣческаго труда. Онъ совершенно отрицаетъ участіе силъ природы въ дѣлѣ созданія мѣновыхъ стоимостей, а также самостоятельное вліяніе орудій и средствъ производства, которыя суть сами не что иное, какъ результатъ человѣческаго труда. Если при этомъ онъ предполагаетъ, что стоимость товара измѣняется не количествомъ произвольно и фактически затраченнаго на него труда, но количествомъ «общественно необходимаго» труда, то эта идея, сама по себѣ, не подлежитъ никакому спору. Для того-же, чтобы она получила надлежащее значеніе, необходимо было бы прежде всего фактически привести къ одному знаменателю всѣ многоразличныя работы. Возможность-же такого приведенія, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не доказана ни Марксомъ, ни Родбертусомъ. Только подъ вліяніемъ спроса и предложенія, игнорируемыхъ Марксомъ, эта редукція проявляется въ томъ, что регулируются стоимости отдѣльныхъ товаровъ.

Но болѣе всего бросаются въ глаза недостатки чисто объективной теоріи стоимости Маркса тамъ, гдѣ онъ изъ стоимости труда хочетъ вывести понятіе о цѣнѣ. Опредѣлять цѣну исключительно, какъ денежное выраженіе стоимости, невозможно уже потому, что эти



два понятія—стоимость и цѣна—не совсѣмъ ответственны. Марксъ поэтому долженъ объяснить это несовпаденіе понятій, какъ слѣдствіе особаго способа производства, «при которомъ правило проявляется только какъ слѣпо дѣйствующій средній законъ, допускающій и отступленія».

Въ самой тѣсной связи съ теоріей стоимости находится Марксова теорія денегъ. Благородные металлы исполняютъ назначеніе денегъ только потому и настолько, насколько они сами суть стоимости, т. е. продукты труда. Различныя роли денегъ изображены у него прекрасно. Все-таки и здѣсь замѣчается нѣкоторая односторонность, состоящая въ томъ, что онъ рассматриваетъ деньги исключительно какъ товары, которыхъ стоимость опредѣляется воплощеннымъ въ нихъ трудомъ; между тѣмъ значеніе денегъ, какъ государственнаго института, если имъ не совершенно обходится, то все-же отодвинуто далеко на задній планъ. Его немногія замѣчанія о государственныхъ бумагахъ и кредитныхъ деньгахъ до такой степени полно и вѣрно схватываютъ существо предмета, что, при господствующей еще путаницѣ въ этихъ вопросахъ, было-бы весьма желательно дальнѣйшее развитіе этихъ замѣтокъ.

Если Марксъ является самостоятельнымъ мыслителемъ уже въ своей теоріи стоимости и денегъ, то вся сила его оригинальности и полной самостоятельности развертывается только при изложеніи его теоріи капитала и особенно добавочной стоимости. Для него «капиталь» не отождествляется съ болѣе или менѣе ограниченнымъ понятіемъ о различныхъ вещественныхъ предметахъ производства, но онъ рассматриваетъ капиталъ исключительно какъ ту денежную сумму, которая

предназначена, съ помощью наемнаго труда и неодушевленныхъ средствъ производства, производить товары. Марксъ такимъ образомъ значительно болѣе суживаетъ понятіе о капиталѣ, чѣмъ это принято въ нашей наукѣ, такъ какъ то, что онъ называетъ «капиталомъ», есть только *одна изъ формъ* проявленія капитала. Нужно однако прибавить, что *эта именно* форма капитала отличается такими характеристическими особенностями, которыя даютъ тонъ и окраску всему современному экономическому строю. Вотъ почему это нѣсколько ограниченное понятіе о капиталѣ находитъ себѣ оправданіе.

Теорія добавочной стоимости, которая какъ-бы коронуетъ все экономическое зданіе Маркса, поконитъ съ одной стороны на прогрессирующей производительности труда, а съ другой—на томъ неоспоримомъ фактѣ, что капиталистъ извлекаетъ изъ процесса производства *больше* стоимостей, чѣмъ сколько онъ затратилъ. Этотъ-то излишекъ стоимости получается, по Марксу, на счетъ живого, купленнаго капиталистомъ рабочаго труда. Въ дѣйствительности-же фактически онъ есть въ той-же мѣрѣ продуктъ и неодушевленныхъ средствъ производства, которыя хотя сами представляютъ собою воплощеніе человѣческаго труда. Изъ этой-то теоріи добавочной стоимости само собою вытекаетъ его ученіе о накопленіи капитала. То, что Марксъ называетъ «первоначальнымъ накопленіемъ капитала»,—это только одна изъ формъ, предшествовавшихъ постоянно возрастающему процессу накопленія. Настоящаго, дѣйствительнаго происхожденія капитала Марксъ все-таки не касается. Эта часть его труда, столь блестяще и обстоятельно излагающая историческій ходъ

накопленія новѣйшаго капитала, есть, по моему, вмѣстѣ съ тѣмъ и самая слабая его теоретическая часть здѣсь очевидно не совсѣмъ удобно, не впадая въ противорѣчя, признать, что дѣйствительнымъ источникомъ *первоначальнаго* капитала въ самомъ дѣлѣ была благопріобрѣтенная, непосредственнымъ трудомъ заработанная собственность. Что Марксъ однако не совсѣмъ когь отдѣлаться отъ этой истины, видно изъ признанія имъ того факта, что въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣкоторые цеховые мастера и ремесленники дорabатывались до положенія капиталистовъ.

Въ заключеніе я долженъ прибавить, что мои прежнія порицательныя сужденія о Марксѣ основаны были на недостаточномъ и слѣдовательно поверхностномъ тогда знакомствѣ моемъ съ этимъ писателемъ. Этимъ же, мнѣ кажется, можно между прочимъ объяснить жестокіе нападки на Маркса Рошера, Айзенарта и въ особенности Дюринга, считающаго свою задорную критику непогрѣшимою. Ихъ писанія недостойны ни ихъ самихъ, ни Маркса.

КРАТКІЙ ТОЛКОВАТЕЛЬ

ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ БРОШЮРѢ

„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАРЛА МАРКСА“.

Абстрактный — отвлеченный.

Абстракція — отвлеченіе.

Автоматичный — безсознательный.

Авторитетъ — почетъ и вліяніе, которымъ пользуется всякая сила; лицо, пользующееся такимъ вліяніемъ, что рѣшенія его принимаются на вѣру или по крайней мѣрѣ имѣютъ вѣское значеніе въ глазахъ другихъ людей.

Агитація — дѣятельное распространеніе какихъ либо идей.

Анализировать — разбирать, разлагать на составныя части.

Анализъ — разборъ, разложеніе на составныя части.

Анархизмъ — буквально — безначаліе. Ученіе, отвергающее всякій государственнй строй, основанный по подчиненіи личности какой либо обществ. власти.

Анархистъ — человекъ, придерживающійся анархич. ученій. См. „анархизмъ“.

Анархія — безначаліе, беспорядочное состояніе общества, въ кот. нѣтъ общепризнанной власти и законовъ; хаосъ, беспорядокъ, сумятица.

Арена — площадка для представленій (въ циркахъ), игръ, состязаній; въ переносномъ смыслѣ — поприще.

Буржуазный — относящійся къ среднему обществ. классу, который образуется изъ мелкихъ и крупныхъ капиталистовъ. Слово это также употребляется какъ противоположеніе „народному“.

Бюро — контора.

Вульгарный — избитый, всѣмъ извѣстный, иногда: неприличный, площадной.

Группировка — распредѣленіе по группамъ, разрядамъ.

Дедукція — способъ изслѣдованія, основанный на извлеченіи выводовъ изъ тѣхъ или другихъ общихъ началъ, принимаемыхъ заранее за безспорныя.

Декретъ — постановленіе, приговоръ, а также указъ верховной Государственной власти отдѣльнымъ лицамъ, присутственнымъ мѣстамъ или всему народу.

Деталь — подробность.

Игнорировать — не обращать вниманія.

Индивидуальный — составляющій особенность какого-либо отдѣльнаго существа (индивидуума).

Индивидуумъ — недѣлимое, отдѣльное существо, представляющее въ самомъ себѣ замкнутое цѣлое.

Индустрія — промышленность.

Категорія — разрядъ, отдѣлъ, классъ.

Квалифицированный — оцененный, сообразно своимъ качествамъ, въ тотъ или другой опредѣленный разрядъ.

Комбинировать — сопоставлять, сочетать отдѣльные элементы.

Конкретный — вполне опредѣленный.

Конкуренція — соперничество.

Конфискація — отбирание въ пользу казны имущества у частныхъ лицъ.

Концентрація — сосредоточение, сгущение.

Кооперація — общество, преслѣдующее какія либо экономическія цѣли.

Кристаллизоваться — отлагаться въ строго опредѣленные геометрическія формы (кристаллы).

Лаконическій — краткій.

Магнатъ — вельможа, крупный помѣщикъ.

Метаморфоза — превращение.

Методъ — способъ.

Нормироваться — приходить въ норму (въ то состояніе, которое считается какъ бы общимъ).

Памфлетъ — рѣзкая критика въ легкой литературной формѣ.

Проблема — загадка, задача, вопросъ, который нужно рѣшить.

Фаза — то или другое положеніе даннаго предмета (фазы луны: 1-я четверть, 2-я четверть).

Фактически — на самомъ дѣлѣ.

Факторъ — дѣятель.

Феномень — явленіе.

Функція — отправление органа, т. е. ему лишь свойственная и отъ него зависящая дѣятельность, напр. функція желудка — пищевареніе, (матем.) переменная величина, зависящая отъ другой переменной величины.

Циркуляція — обращение.

Эволюціонистъ — послѣдователь ученія о развитіи въ естествознаніи и социологіи (обществовѣдѣніи).

Эволюціонный — вытекающій изъ ученія объ эволюціи.

Эквивалентный — равноцѣнный.

Эквивалентъ — эквивалентомъ чего либо называется то, что можетъ его замѣстить, напр. при замѣщеніи мѣди въ мѣдн. купоросѣ желѣзомъ это послѣднее является эквивалентомъ мѣди, причѣмъ мѣдн. купоросъ превращается въ желѣзный купоросъ.

Экономистъ — специалистъ по политич. экономіи.

Эксплуатація — извлеченіе пользы.

Экспроприація — лишеніе собственности при тѣхъ или другихъ условіяхъ.

Эрудиція — обладаніе большими познаніями въ той или другой области наукъ.

Юриспруденція — наука о правахъ.

Пролетарій — человекъ, живущій поденнымъ трудомъ.

Протекціонный — относящійся къ запретительнымъ или покровительственнымъ пошлинамъ.

Радикально — рѣзко, рѣшительно. Измѣнить что-либо радикально — значитъ измѣнить въ своихъ основахъ.

Реактивы—вещества, употребляемые для распознаванія тѣхъ или другихъ тѣлъ.

Реализованіе—1) осуществленіе; 2) превращеніе товаровъ въ денежный капиталъ.

Реализоваться—см. реализованіе.

Революціонизмъ—стремленіе къ революціоннымъ средствамъ.

Регулированіе—приведеніе въ порядокъ.

Редукція—возстановленіе.

Саркастическій—рѣзко насмѣшливый.

Систематизировать—приводить въ систему.

Систематика—часть какой либо науки, занимающаяся приведеніемъ въ строгій порядокъ всѣхъ свѣдѣній, входящихъ въ составъ этой науки.

Соціалъ-демократія—партія, добывающаяся перестройки всѣхъ государственныхъ порядковъ на основѣ всеобщаго труда.

Статуть—положеніе, уставъ.

Субъективный—относящійся къ субъекту; личный, опредѣленный особенностями даннаго субъекта.

Судъ ассизовъ—окружный судъ.

Тезисъ—положеніе, подлежащее доказательству.

Тенденція—стремленіе къ извѣстной цѣли, не высказанное въ ясной формѣ или даже намѣренно скрываемое, но отражающееся на поступкахъ и словахъ человѣка.

Теорія—въ наукѣ—общій выводъ или совокупность выводовъ, основанная на фактахъ и проверенная извѣстными въ данное время фактами; въ обществѣ называютъ теоріей всякую болѣе или менѣе стройную систему общихъ воззрѣній, хотя бы измышленную, не справляясь съ фактами; теорія въ противоположность практикѣ—знаніе общихъ выводовъ безъ умѣнья примѣнить ихъ въ частномъ случаѣ.

Фаворитъ—любимецъ.

2210



